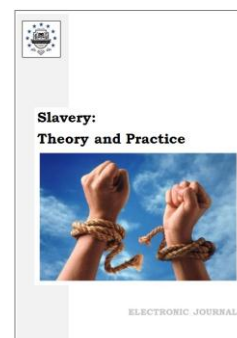

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2023. 8(1): 36-52

DOI: 10.13187/slave.2023.1.36
<https://stp.cherkasgu.press>

A Documentary Narration about the Steppe Slavery or a Colonial Narrative: Essay “Ivan Vasil'evich Podurov” by S.N. Sevast'yanov

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The article is dedicated to the essay by S.N. Sevast'yanov “Ivan Vasil'evich Podurov”, describing the captivity of the Cossack officer in Middle Asia. This essay, reprinted in 1999, is assessed differently by different researchers: from “purely documentary narration” to a narrative with glaring mistakes that demonizes the “Kirgiz” (as Kazakhs were called in the Russian Empire’s tradition). Nevertheless, even though a number of authors turned to it in the 20th century (N. Zhetpisbai, T.M. Zhaplova and A.Zh. Saibulova, E.K. Sozina), none of them conducted a systematic analysis of this text. This article undertakes an attempt at such analysis, which is important for understanding how reliable in general are the descriptions of slavery in Middle Asia by the Russian pre-revolutionary amateur historians, especially by members of the Orenburg Scientific Archival Committee, of which S.N. Sevast'yanov was also a member and commanded authority.

The article shows that, in his text, S.N. Sevast'yanov definitely relies on three categories of sources, none of which could be considered reliable: on the folk tales of the Orenburg Cossacks; on the stories of I.V. Chernov, who was born two years after the described events, but presumably heard about them from I.V. Podurov himself; on the manuscript of G.F. Gens, a contemporary of the events, Russian official and an amateur orientalist, who was extremely critical towards the “Kirgiz”. It is unknown whether S.N. Sevast'yanov was working with the originals of the documents about the capture of I.V. Podurov or provided them based on the manuscript of G.F. Gens. But in any case, we managed to find direct forgery in a document cited in the essay, form which information was excluded that negatively characterized Russian authorities. As a result, some data provided in the essay is based on unreliable sources, and the reliable sources are misrepresented either by the author of the essay or by those on whose descriptions of the events he was relying.

Furthermore, by comparing the narrative of S.N. Sevast'yanov with archival documents it becomes evident that: 1) the image of I.V. Podurov is extremely heroized, for example, in the primary sources his heroic resistance against captors and his heavy wound are not mentioned; 2) the “Kirgiz”, on the contrary, are demonized, information presenting them from an ambiguous side was excluded (for example, the fact that they were capturing Russian officers not for ransom, but to set free the father of one of the captors); 3) nothing confirms the story reported by I.V. Chernov about the daughter of the “Kirgiz” khan falling in love with I.V. Podurov, and the image of this Muslim maiden is deprived both of any particular features (even name) and of any subjectivity. All this allows us to confidently say that the essay “Ivan Vasil'evich Podurov” does not document the events of 1820s, but translates the image of these events that formed among the Orenburg Cossacks by the end of the 19th century, which makes it a valuable source on the

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

historical memory of the Orenburg Cossackdom.

Keywords: slavery, Middle Asia, colonial discourse, historiography, source study, I.V. Podurov, S.N. Sevast'yanov.

1. Введение

В конце XIX в. оренбургский офицер и историк-любитель С.Н. Севастьянов написал небольшой очерк «Иван Васильевич Подуров». Очерк этот был посвящен оренбургскому атаману середины XIX в., однако большую его часть составляло описание пребывания И.В. Подурова в 1823 г. в плену у «киргиз» (как тогда русские авторы называли казахов). Именно благодаря тематике текст С.Н. Севастьянова неожиданно обрел определенную популярность в конце XX – начале XXI вв., однако его оценки различными авторами расходятся фундаментально.

В 1999 г. очерк «Иван Васильевич Подуров» был переиздан в оренбургском альманахе «Гостинный двор» (Севастьянов, 1999: 190-205). В небольшом предисловии за авторством С.Е. Сорокиной очерк позиционировался как «чисто документальное повествование» (Севастьянов, 1999: 190). С.Е. Сорокина обратила внимание на его схожесть с «Кавказским пленником» А.С. Пушкина: «Пленение, жизнь в ауле, кандалы, рабский труд, побои, унижения, юная дочь хозяина и ее сострадание» (Севастьянов, 1999: 190). Однако от комментариев по этому поводу исследовательница воздержалась, очевидно, считая, что данное сходство было следствием реализма пушкинского текста. Прямо об этом она не писала, но приводила целый ряд документальных источников 1830 гг., в которых русские офицеры живописали о злодеяниях степных «разбойников» и «хищников» (Севастьянов, 1999: 190). Все это позволило С.Е. Сорокиной откровенно умилиться доброте русского народа: «Совершенно замечательно при этом, что, терпя беды и ущерб, наносимые набегами степных разбойников, русские люди не только не отчуждались от киргизов (так до 1922 г. называли казахов), но всячески поддерживали с ними дружеские отношения. Более того, русские власти защищали и самих степняков от разорения своими же, более дерзкими соплеменниками» (Севастьянов, 1999: 191).

Принципиально иначе интерпретировала очерк «Иван Васильевич Подуров» Е.К. Созина. Она обратила внимание на то, что еще такой классик литературоведения, как В.М. Жирмунский, заметил, что фабула пленника в русской романтической литературе встречалась регулярно и обычно строилась по следующей схеме: «Молодой герой, томящийся в плену у мусульман, экзотика окружения, прерываемая его периодическими жалобами, юная и прекрасная пери, влюбляющаяся в него и устраивающая ему побег» (Созина, 2011: 39). В уральской региональной литературе подобная фабула была освоена задолго до С.Н. Севастьянова, и первым ее примером, по мнению Е.К. Созиной, была повесть «Киргизский пленник. (Быль Оренбургской линии)» оренбургского поэта П.М. Кудряшева (Созина, 2011: 38). Исходя из очевидных параллелей в повести П.М. Кудряшева и очерке С.Н. Севастьянова, в 2011 г. Е.К. Созина интерпретировала нарратив последнего так: «История казака Подурова, записанная его младшим сослуживцем, претендующим на роль автора (С.Н. Севастьянов служил в штабе Оренбургского казачьего войска и разрабатывал историю оренбургского казачества), выстраивается с оглядкой на романтическую литературную традицию» (Созина, 2011: 45). В 2016 г., характеризуя дискурс «степных пленников», она уже однозначно писала об определенной доле вымысла в текстах о них: «В целом же, дискурс “степных пленников” интересен тем, что он наглядно отражает взаимодействие двух сторон, представленных в произведении, – самой действительности, жизни, без которой текст вряд ли возможен, и литературной условности, вымысла, которого не избегает любой, даже самый правдивый художник» (Созина, 2016: 14).

Отметим также, что Е.К. Созина не умиляется добротой русских к степнякам, но рассматривает русскую литературу о «степных пленниках» как инструмент, в соответствии с ее терминологией, «внутренней колонизации»: «Педалируя ситуацию пленника, попавшего к “неверным”, и тех страданий, которые выпадают на его долю, она пробуждала патриотические чувства и “работала” как на формирование национальной идентичности, так и на геополитические интересы России» (Созина, 2016: 7). Обращает она внимание и на то, что «в текстах соблюдаются основные правила колониального дискурса»,

и степняки обычно описываются крайне негативно (Созина, 2016: 13). Правда, интересующий нас очерк с подобных позиций она подробно не анализирует.

В 2020 г. вышло первое исследование, специально посвященное интересующему нас тексту, – статья «Особенности поэтики биографического очерка С.Н. Севастьянова “Падуров”» Т.М. Жапловой и А.Ж. Сайбуловой (Жаплова, Сайбулова, 2020: 35-42) (обратим внимание, что в названии статьи нет ошибки – в некоторых изданиях и даже оригинальных документах фамилия «Подурова» писалась как «Падуров»). К сожалению, уровень данного исследования крайне невысок. Его авторы исходят из априорного представления о том, что «писатель (С.Н. Севастьянов – А.П.) ориентировался на реальные факты» (Жаплова, Сайбулова, 2020: 37). При этом Т.М. Жаплова и А.Ж. Сайбулова обратили внимание на то, что для С.Н. Севастьянова важным источником служил фольклор, народные предания казаков. Однако оценили эту особенность очерка весьма своеобразно: «Писатель опирался в своем творчестве на устную народную прозу, которая включает в себя такие жанры, как предания и легенды. Они отличаются от сказок утверждением реальности, достоверности сообщаемых сведений. Так, предания передаются из поколения в поколение, хранятся, как бесценные знания народа» (Жаплова, Сайбулова, 2020: 38). Важнейшим итогом статьи становится вывод о том, что главный герой интересующего нас очерка был идеальным казаком: «Образ Падурова – это не только индивидуализированный портрет конкретной исторической личности, а обобщенный образ идеального казака, представителя казачьего войска, который проявил бесстрашие, любовь к Отечеству, патриотизм, преданность Родине, стойкость духа» (Жаплова, Сайбулова, 2020: 39). В итоге исследовательницы даже не задают вопроса о том, как в одном тексте сочетались ориентация на реальные факты и использование народных легенд, реальный портрет исторического И.В. Подурова и образ идеального казака.

Несколько ранее, в 2019 г., на сайте Qazaqstan tarıhu была размещена статья «О некоторых моментах взаимоотношений казахов с русскими прилинейными жителями в XVIII – первой трети XIX вв. в Западном Казахстане» Н. Жетписбай (Жетписбай, 2019). Несмотря на популярный характер данного текста, он содержит заслуживающую внимания и достаточно подробную критику очерка «Иван Васильевич Подуров». Н. Жетписбай попытался доказать недостоверность многих русских нарративов о Степи, характеризуя их так: «Грешили добавлением выдуманных историй даже некоторые военные исследователи, которые десятилетиями позже при описании минувших исторических событий, из-за лирических отступлений допускали множество нелепых ошибок» (Жетписбай, 2019). С.Н. Севастьянова он считает крайне ненадежным описателем событий, связанных с рабством в Средней Азии («в своих исторических очерках, при описании событий связанных с пленениями людей на линии допускает ряд грубых ошибок») (Жетписбай, 2019). Н. Жетписбай обращает внимание на то, что С.Н. Севастьянов, родившийся в 1863 г., описывает события 1823 г. как очевидец, причем крайне литературно, вплоть до характеристики того, как стрекотали кузнечики; на то, что С.Н. Севастьянов приводит описание крайне жестокого убийства «киргизами» казака исключительно по преданию; а историю о любви к пленнику дочери главного пленителя Н. Жетписбай характеризует с нескрываемой иронией: «Данный сюжет в очерке не требует к себе каких-либо комментариев. Он банально повторяет мотивы Пушкина и Лермонтова и многих лирических рассказов, где обычно дочери правителей влюбляются в чужеземных пленников или в простых странствующих людей» (Жетписбай, 2019).

При этом Н. Жетписбай рассматривает нарратив С.Н. Севастьянова в рамках современной полемики о российском колониализме. Центральная мысль его статьи заключается в том, что «главной причиной всех бед (в степи XVIII – первой трети XIX вв. – А.П.) была колониальная политика Российской империи», и в конечном счете будущие русские «степные пленники» сами пришли на чужую землю в качестве колонизаторов (Жетписбай, 2019). Иронично, что, доказывая это, в итоге Н. Жетписбай сам сбился на описания народных преданий, но не русских, а казахских: «Еще в детстве прабабушки рассказывали, как прятали девушек от этих незваных и вооруженных гостей, как безоружные джигиты скрипя зубами от безысходности не находили себе места...» (Жетписбай, 2019). Тем не менее его статья не только демонстрирует своеобразный казахский взгляд на очерк «Иван Васильевич Подуров», но и хорошо раскрывает его

фундаментальную проблему, о которой до этого менее подробно писала Е.К. Созина.

Очерк «Иван Васильевич Подуров» С.Н. Севастьянова представляет собой, по существу, колониальный нарратив, причем в крайне специфической казачьей версии, на что предыдущие исследователи не обращали внимания. Русские власти в нем изображены немногим лучше «киргизов», причем зачастую они описываются тоже по казачьим народным преданиям: «Основываясь на единогласном предании казаков об Эссене (оренбургском губернаторе – А.П.), можно предположить, что он распускал киргиз и мало ограждал от них прилинейных жителей, вероятно, исполняя только букву закона, который по его настояниям в силу изменения местных условий, мог бы излагаться в смысле более действенного охранения русского прилинейного элемента» (Севастьянов, 1999: 205). При этом центральной для конструирования нарратива оказывается тема неволи, в которую жестокие и злобные «киргизы» захватывают казаков, а власти помогают им в этом: «О П.К. Эссене казаки сохранили самые тяжелые воспоминания за строгость мер по переходу через Урал в погоне за отбитием своего имущества и защиты чести своих жен и дочерей, увозимых на глазах казаков, находящихся на правом берегу реки и не имеющих права под страхом строгого взыскания переплыть Урал и догнать хищников» (Севастьянов, 1999: 205). И в своей небольшой статье мы бы хотели показать, как С.Н. Севастьянов конструировал этот нарратив.

Это важно сразу в нескольких отношениях. Во-первых, как мы видели из приведенных нами примеров, целый ряд современных исследователей считает работы С.Н. Севастьянова достаточно надежным источником информации. Это не случайно: он был членом Оренбургской ученой архивной комиссии – достаточно авторитетного регионального научного объединения 1880-1910 гг. Деятельность этой комиссии многократно изучалась, и в 2020 г. вышло даже монографическое исследование о ней (Матвиевская и др., 2020). Многие работы С.Н. Севастьянова были опубликованы как раз в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» (Труды..., 1906: I-V). Таким образом, С.Н. Севастьянов был авторитетным провинциальным историком-любителем, фигурой, достаточно типичной для поздней Российской империи. Соответственно, анализ его текста интересен именно в контексте любительских исследований российских провинциальных авторов рубежа XIX–XX вв. Мы будем анализировать текст не профессионального историка, но достаточно известного и востребованного провинциального автора, крайняя недостоверность повествования в котором позволяет, как минимум, поставить вопрос о том, можно ли без специальной проверки доверять нарративам других подобных авторов, прежде всего других членов Оренбургской ученой архивной комиссии.

Во-вторых, члены Оренбургской ученой архивной комиссии неоднократно исследовали историю среднеазиатского рабства, а С.Н. Севастьянов даже посвятил угону русских подданных в рабство в XVII – первой половине XIX вв. обстоятельную статью «События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг.» (Севастьянов, 1906: 95-148). Соответственно, анализ их нарративов важен для понимания того «колониального дискурса» Российской империи, о котором писала Е.К. Созина: негативизация степняков шла не только через художественную, но и через научную литературу, и в этом отношении важно понять, как конструировалась эта негативизация в отдельных текстах.

2. Материалы и методы

Важнейшим источником для нас будет сам очерк «Иван Васильевич Подуров». Прежде всего, мы проанализируем те источники информации, на которых он основан, чтобы понять их достоверность. Затем мы сравним содержание очерка с сохранившимся архивным делом о пленении И.В. Подурова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769). В заключение обратимся к сюжету о любви дочери пленителя к пленнику, сопоставив текст С.Н. Севастьянова с подобной историей, которая признается историками достоверной: с местами из «Воспоминаний кавказского офицера» Ф.Ф. Торнау, в которых описываются отношения автора и черкешенки Аслан-Коз.

3. Результаты

Сюжет

Прежде всего перескажем сюжет очерка «Иван Васильевич Подуров». Открывается он

очень кратким вводным разделом, описывающим биографию И.В. Подурова до плена. Из него следует, кстати, что строевым офицером И.В. Подуров был очень недолго, буквально год, в промежутке между службой в канцелярии оренбургского губернатора и в должности адъютанта оренбургского атамана (Севастьянов, 1999: 191-192). 1 июля 1823 г., проезжая по служебным делам из Оренбурга в Самару, он был атакован «киргизами», не пожелал сдаваться им без боя, но тяжело раненым был все же взят в плен (с ним был пленен мальчик-ямщик, а незадолго до этого те же «киргизы» взяли в плен еще трех русских, включая офицера, прапорщика С.А. Медведева) (Севастьянов, 1999: 192-193). По пути в Степь «киргизы» жестоко убили случайно встреченного ими безоружного казака из-за того, что он некогда отругал одного из них, причем якобы это произошло рядом с местом, где в 1820 г. «киргизы» же жестоко убили «для потехи» (расстреляли стрелами, нанеся около 80 ран) ветерана Отечественной войны 1812 г. Ф.К. Гришечкина на глазах у матери (Севастьянов, 1999: 194-195).

Далее С.Н. Севастьянов описывал удивление властей «неслыханной еще дерзостью киргиз», похитивших двух русских офицеров так далеко от степи, и невнятно сообщал, что губернские власти узнали, где держат пленников, от мелких пограничных начальников, а «один из киргиз (дружественных России – А.П.) видел даже Подурова на реке Киндагалте ведомства Табынского рода» (Севастьянов, 1999: 196). Но «полагаться исключительно на некоторых, известных уже начальству доброжелательных киргиз, было все-таки рискованно. Приходилось искать русского человека, вполне надежного и опытного». И поэтому искать И.В. Подурова был направлен урядник П.А. Плешков (Севастьянов, 1999: 196). После ряда приключений П.А. Плешков добрался до аула «хана Джуламана Тианчина» (в современной казахской транскрипции – Жоламана Тленшиулы) и начал долго тянувшиеся переговоры (Севастьянов, 1999: 197).

Пребывание И.В. Подурова в плену описывается не только с указанием на то, что «его меньше, чем других, били, но все же били», но и с описанием словесных издевательств пленителей и их родственников, вплоть до прямой речи: «Что, собака, ты плачешь?.. Я, будучи мусульманином, исповедую веру истинную, человек вольный, никому неподвластный, должен был просидеть полгода в остроге в кандалах, а ты лежишь в кибитке. Поддай мне пить!» (Севастьянов, 1999: 198). Тем не менее в прекрасного русского влюбляется безымянная и лишенная каких-либо конкретных черт дочь хана и даже предлагает помочь ему сбежать, но «пленник не решился воспользоваться самоотверженным предложением девы» (Севастьянов, 1999: 200). «Киргизы» всячески злоумышляют и угрожают русской делегации, уговаривающей освободить И.В. Подурова (к П.А. Плешкову добавилось несколько дружественных России «киргизов»), в итоге убивают П.А. Плешкова (Севастьянов, 1999: 201). Тело несчастного потом находит в степи то ли его друг-«киргиз» Я. Яикбаев, то ли старший товарищ-казак Д.Г. Беляков (Севастьянов, 1999: 201). В итоге в конце октября 1823 г. Джуламан (единственный относительно честный «киргиз», в интерпретации С.Н. Севастьянова), уступив уговорам и зная, что его собственные подданные хотят убить И.В. Подурова, отпускает пленника, и тот, попрощавшись с ханской дочерью, тайком бежит в Россию с русской делегацией, чудом избежав встречи с охотящимися на них подданными Джаламана (Севастьянов, 1999: 201-202). Завершается биография разделом о жесткости русских чиновников по отношению к казакам и об их неспособности во время губернаторства П.К. Эссена остановить «киргизские набеги» (якобы чиновники даже покрывали «киргизов» и мешали казакам защищаться от их набегов) (Севастьянов, 1999: 204-205).

Наш пересказ, конечно, не раскрывает многих деталей очерка С.Н. Севастьянова, но даже из него видно, что данный текст предельно односторонен. Есть герои, И.В. Подуров и П.А. Плешков, смелые казаки-воины. Есть жестокие и коварные «киргизы», хан которых не в силах контролировать даже собственных подданных. Однако теоретически события 1823 г. действительно могли развиваться так, как их описал С.Н. Севастьянов. Поэтому очень важно понять, на какие источники он опирался.

Источники

Полноценного ссылочного аппарата очерк «Иван Васильевич Подуров» лишен, что затрудняет анализ его источников. Тем не менее С.Н. Севастьянов иногда указывает, откуда

взята та или иная информация. Проанализируем подобные ссылки, ранжировав их в соответствии с достоверностью, от меньшей к большей.

1) Народные предания. К ним С.Н. Севастьянов обращался неоднократно, причем использовал их широко и вольно. Так, жестокое убийство Ф.К. Гришечкина на глазах у матери описано исключительно по преданию, причем записанному даже не самим С.Н. Севастьяновым, а другим оренбургским историком-любителем Н.К. Бухариным (Севастьянов, 1999: 194). На записи Н.К. Бухарина С.Н. Севастьянов ссылался и при описании произвола русских властей в 1820 г. (Севастьянов, 1999: 204). Иногда С.Н. Севастьянов пытался доказать истинность казачьих преданий цитатами из архивных документов, однако, во-первых, он делал это далеко не всегда, а во-вторых, его методика доказательства была весьма своеобразной. Например, описывая казачьи предания о П.К. Эссене, управлявшем оренбургским краем в 1817-1830 гг., сводящиеся к тому, что казакам воспрещалось переходить Урал и отбивать свое имущество у похитивших его «киргизов», С.Н. Севастьянов приводит цитату из документа Коллегии Иностранных Дел от 1776 г., согласно которой «в рассуждение невежества азиатцев, всегда при погрешностях их поступать снисходительно, дабы тем в желаемом расширении коммерции не причинить помешательства и не отучить азиатов вовсе от оренбургского торгова, но паче придать им и тому торгу всякую охоту...» (Севастьянов, 1999: 205). Это было единственное в нарративе С.Н. Севастьянова документальное доказательство снисходительности русских властей к «киргизам» в 1820 г., что не помешало исследователю сделать вывод: «Основываясь на единогласном предании казаков об Эссене, можно предположить, что он распускал киргиз и мало ограждал от них прилинейных жителей» (Севастьянов, 1999: 205).

Но больше всего народных преданий С.Н. Севастьянов приводит в связи с фигурой фактически второго главного героя своего очерка, урядника П.А. Плешкова. Даже вводится в очерк он таким вызывающим множество вопросов предложением: «То был урядник Угольной станицы Оренбургского казачьего войска Петр Андреевич Плешков, известный в преданиях более под фамилией Петров» (Севастьянов, 1999: 196). Почему П.А. Плешков в преданиях превратился в Петрова? Насколько вообще реальный П.А. Плешков был похож на легендарного Петрова? С.Н. Севастьянов не отвечал на эти вопросы, зато без всяких сомнений характеризовал П.А. Плешкова на основании «легендарных сказаний» Угольной станицы о Петрове: «Никто из казаков не мог бывало сравняться с ним в езде верхом, или стащить его с седла. Нередко, укрощая дикую ордынскую лошадь, он схватывал ее прямо за уши и пригибал таким образом к земле. Часто схватываясь с киргизами на кардонах, расположенных в то время между форпостами Елшанским, крепостью Илецкая Защита, станицей Угольной, Мертвецовской, Григорьевской, Куралинской и проч., Плешков до тонкости изучил степные наречия и своеобразную киргизскую военную тактику и прилежавшие к линии места знал, как свои пять пальцев» (Севастьянов, 1999: 196). Героическая гибель П.А. Плешкова также описана на основе легенд о нем, и не только. С.Н. Севастьянов привел такую народную песню, оговаривая в примечании, что она, согласно Н.К. Бухарину, записавшему ее, была посвящена другому убитому «киргизами» казаку, хорунжему А.Д. Алескасову:

«Что это в поле забелелось?

Что в чистом заалелось?

Забелелось в поле его тело белое,

Заалелась его кровь молодецкая...

Никто-то к телу не проискатнется, –

Лишь слетались два черна ворона,

Садилась они на казачью грудь белую,

Зачинали клевать очи ясные...» (Севастьянов, 1999: 201).

2) Рассказы И.В. Чернова. Два крайне комплиментарных для И.В. Подурова фрагмента разбираемого нами очерка написаны на основании устных рассказов некоего И.В. Чернова. Во-первых, это незначительный (мы даже не приводили его в описании сюжета) эпизод, относящийся к перевозке пленных русских офицеров «киргизами»: якобы прапорщик С.А. Медведев не умел держаться в седле и несколько раз падал с лошади, а раненый И.В. Подуров ехал так хорошо, что им восхищались пленители: «Джигит, бик якши джигит!» (Севастьянов, 1999: 193-194). Во-вторых, это пресловутая история с дочерью «хана

Джуламана», которая «передавала Ивану Васильевичу новости, касающиеся пленников, угощала иногда лепешками собственного приготовления или же крутом (киргизский сыр) и старалась вообще разогнать его грусть», а в итоге предложила помочь в побеге (Севастьянов, 1999: 199).

Генерал-майор И.В. Чернов был еще одним оренбургским любителем истории, военным, дослужившимся до высоких чинов, а на старости лет ставшим членом Оренбургской ученой архивной комиссии и составившим жизнеописание целого ряда оренбургских губернаторов (Севастьянов, 1907а: 3-14). Проблема, однако, заключалась в том, что И.В. Чернов родился в 1825 г., то есть через 2 года после истории с пленом И.В. Подурова (Севастьянов, 1907а: 4). Согласно С.Н. Севастьянову, эпизод про перевозку пленных русских офицеров «киргизами» И.В. Чернову сообщил И.В. Подуров лично (Севастьянов, 1999: 194). Тем не менее полученная подобным образом информация подвергалась определенным искажениям как минимум дважды. Сперва И.В. Подуров рассказывал свою историю молодому казаку, причем либо это происходило примерно через два десятилетия после события, либо И.В. Чернов был совсем юношей и мог воспринять полученную им информацию не вполне верно. Затем еще через несколько десятилетий И.В. Чернов пересказал некогда услышанное им С.Н. Севастьянову. Никаких документальных подтверждений рассказам И.В. Чернова в разбираемом нами очерке просто нет, но С.Н. Севастьянов приводит их как несомненную правду.

3) Рукопись Г.В. Генса. Наконец, С.Н. Севастьянов упоминает, что «одним из источников главы о пленении Подурова послужила рукопись Г.Ф. Генса» (Севастьянов, 1999: 192). Речь идет о председателе Оренбургской пограничной комиссии в 1825-1844 гг. Г.Ф. Генсе, который был также востоковедом-любителем и оставил после себя множество рукописей о Средней Азии (Севастьянов, 1907b: 158-167). Известно, что в числе рукописей Г.Ф. Генса действительно была рукопись «Взятие в плен киргизами сотника Подурова и прап. Медведева» (Попов, 1907: 168).

Однако, как это ни странно, как раз использование С.Н. Севастьяновым данной рукописи окончательно запутывает вопрос о документальных источниках его очерка. Дело в том, что рукопись Г.Ф. Генса до сих пор не опубликована, и неизвестно даже, сохранилась ли она до наших дней. В то же время Г.Ф. Генс просто по должности имел доступ ко всем документам о захвате И.В. Подурова. Соответственно, в тех случаях, когда С.Н. Севастьянов цитирует тот или иной документ, мы не знаем, делает он это по первоисточнику или по рукописи Г.Ф. Генса.

При этом трудно однозначно судить о том, насколько научными были работы Г.Ф. Генса. Он, безусловно, прекрасно знал Степь, и до нас дошли комплементарные отзывы о нем таких крупных востоковедов, как В.В. Григорьев и Я.В. Ханыков (Попов, 1907: 174-178). Однако Г.Ф. Генс был еще и русским чиновником, занимавшим весьма специфическую должность: он фактически был руководителем колониальной политики Российской империи на части территории Казахстана в течение двух десятилетий. Дошедшие до нас служебные рукописи генерала демонстрируют явную ксенофобию и имперский дискурс: например, он считал возможным, что в случае угрозы российской армии Хивинскому ханству хивинцы перебьют всех русских рабов исключительно «по известному изуверству Магометан», а неволю этих рабов оценивал как не просто тяжелую, но «непостижимо тяжкую» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 250б-280б.). Соответственно, рукопись Г.Ф. Генса «Взятие в плен киргизами сотника Подурова и прап. Медведева» безусловно являлась важным источником о пленении И.В. Подурова, поскольку была написана современником событий, хорошо разбиравшимся в сюжетах о русских пленниках в Средней Азии. Однако автор этой рукописи в своих известных работах не демонстрирует объективности, но явно сочувствует русским, а мусульман считает изуверами. А приводящееся в разбираемом нами очерке оскорбление, нанесенное И.В. Подурову одним из родственников его пленителей («Что, собака, ты плачешь?.. Я, будучи мусульманином, исповедуя веру истинную, человек вольный, никому неподвластный, должен был просидеть полгода в остроге в кандалах, а ты лежишь в кибитке. Поддай мне пить!»), взято, по словам С.Н. Севастьянова, из рукописи Г.Ф. Генса и не подтверждено никакими другими документами (Севастьянов, 1999: 198).

И мы приходим к важному выводу. Оказываются неверными утверждения некоторых современных исследователей о том, будто бы очерк «Иван Васильевич Подуров»

представляет собой «чисто документальное повествование» или по крайней мере появился в результате «взаимодействия двух сторон, представленных в произведении, – самой действительности, жизни, без которой текст вряд ли возможен, и литературной условности, вымысла». В своем повествовании оренбургский историк-любитель опирался не только на документы и свидетельства участников событий. Целый ряд самых одиозных моментов приводился им по словам третьих лиц: жестокое убийство Ф.К. Гришечкина на глазах у матери описывалось не просто по казачьему преданию, но по преданию, записанному Н.К. Бухариным; влюбленность в И.В. Подурова ханской дочери подтверждалась только рассказом родившегося через 2 года после событий И.В. Чернова; оскорбления, которым подвергался И.В. Подуров в плену, давались по рукописи Г.Ф. Генса. Таким образом, очерк С.Н. Севастьянова описывает не реальную историю И.В. Подурова, а легенду о ней, существовавшую в среде русских офицеров и казаков. После этого неудивительно, что при более детальном анализе в этом очерке обнаруживается ряд принципиальных ошибок и умолчаний. Некоторые из них мы разберем подробно.

Образ И.В. Подурова

При сопоставлении очерка «Иван Васильевич Подуров» с архивными документами о пленении И.В. Подурова разночтения, причем весьма показательные, начинаются с самого начала. Как мы уже упоминали, согласно С.Н. Севастьянову, И.В. Подуров сопротивлялся нападшим на него «киргизам» и был тяжело ранен, причем неравный бой описывается художественно и пафосно: «Он вырвал у киргиза пику и успел ударить его в щеку, проколов ее насквозь. Пика, к несчастью, сломалась и Подуров оборонялся обломком древка. В это время он был вторично ранен в левую ногу. Киргизы не ожидали столь мужественной самозащиты и, не успев сломить его в бою, придумали уловку: обскакав взмыленную тройку, они схватили лошадь под уздцы и моментально опрокинули тарантас» (Севастьянов, 1999: 192-193). Таким образом, И.В. Подуров выводится героем, которого «киргизы» не смогли одолеть в бою, но взяли в плен хитростью. Напротив, С.А. Медведев якобы не сопротивлялся пленителям, в отличие от своего денщика: «Ранен был лишь один денщик Михайлов, вероятно, защищавший своего больного барина» (Севастьянов, 1999: 192-193).

Между тем отец С.А. Медведева подавал прошение Николаю I о выплате его сыну компенсации за ограбленное имущество, в котором описал историю его захвата в плен так: «По причинении копьями ударов бывшему с тем моим сыном отставному солдату Сергею Михайлову, сидевшему на козлах, в шею, а моему сыну, по слабости лежавшему в повозке, в правую ногу, били их топорными обухами без пощады, и, тем отняв у них к действию в отношении обороны всю возможность, взяли их в плен» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 370об.).

Показания третьих лиц не только не упоминают серьезных ранений И.В. Подурова и С.А. Медведева, но и содержат утверждение о том, что русские офицеры, по слухам, ходившим в Степи, были «невредимы» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 870б.). Во второй половине июля 1823 г. с И.В. Подуровым смог поговорить дружественный России «киргиз» Н. Аргымбаев, и о тяжелом ранении пленника он тоже не сообщал (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 1120б.). Наконец, не упоминал о якобы полученном ранении и сам И.В. Подуров в своем прошении Александру I о выплате ему компенсации за разграбленное имущество, описывая историю своего пленения так: «Напали на меня 1-го прошедшего Июля между станцией Переволоцкой и станцией Пловатской пять человек Киргизов, разграбили бывшие при мне деньги и вещи, а самого увлекли в плен, где находился четыре месяца» (это единственное описание истории собственно пленения И.В. Подурова, которое мы нашли в документах) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 255).

В итоге мы наблюдаем крайне забавную ситуацию. Если попытаться рассмотреть ситуацию объективно, то получится, что «киргизам» удалось взять в плен целых двух российских офицеров без серьезного сопротивления (во всяком случае, никаких сведений о ранениях как этих офицеров, так и кого-то из пленителей в документах нет). Но позднее, по утверждениям И.В. Чернова, И.В. Подуров не просто рассказывал о своем ранении, но и описывал, как тяжелораненым ехал верхом, вызывая восхищение «киргиз», в то время как невредимый С.А. Медведев постоянно падал с лошади. Отец С.А. Медведева, напротив, описывал ранение своего сына. Складывается впечатление, что постфактум вокруг каждого

из офицеров пытались создать красивую историю, оправдывающую его плен, причем эти истории противоречили друг другу, поскольку в истории о И.В. Подурове его героизм и сила еще и противопоставлялись слабости и трусости второго пленника. Между тем из документов однозначно следует, что С.А. Медведев «киргизам» фактически не сопротивлялся, поскольку «по слабости лежал в повозке», а И.В. Подуров не упоминал о своем сопротивлении ни в одной официальной бумаге.

Обратим внимание также на то, что никакой награды за якобы проявленный героизм И.В. Подуров не получил. Между тем известны случаи, когда гораздо менее влиятельные пленники награждались за действительно смелые действия в плену. Так, в 1836 г. оренбургские власти обращались к военному министру Российской империи А.И. Чернышеву с просьбой наградить совсем молодого (19 лет) казака В. Затворникова за то, что, будучи взятым в плен на Каспийском море, он, несмотря на угрозы смертью, отказался помогать своим пленителям окликать по-русски встречные суда и, тем самым обманывая их команды, убеждать, что навстречу им идет другое русское судно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 39-39об.). Лично Николай I приказал произвести В. Затворникова в урядники и выплатить ему 200 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 54-54об.).

Напротив, в случае с И.В. Подуровым известно, что, уже находясь в плену, он пошел на сотрудничество с «киргизами». Даже по словам С.Н. Севастьянова, «Джуламан естественно нуждался в письмоводителе, и вот Подурову волей-неволей пришлось по приказанию хана и под его диктовку составлять письма к Его Высочайшему Превосходительству Петру Кирилловичу Эссену» (Севастьянов, 1999: 198). И как раз данное утверждение подтверждается документами: П.К. Эссен прилагал к одному из своих отношений министру иностранных дел К.В. Нессельроде «бумаги от Тархана Юламана Тлянчина, из коих пять писаны по принуждению его рукой Есаула Подурова во время нахождения в плену» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 263). А еще из плена И.В. Подуров написал письмо, в котором просил сделать так, чтобы П.К. Эссен обманул его пленителей: не отклонил поданное ими прошение (о котором мы подробнее напишем далее), но соврал, «что оно прошение представится к Государю, и, что отголь последует, он особо будет уведомлен», поскольку подобные действия облегчили бы освобождение русских пленников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 272-272об.).

В итоге, как мы видим, самый созданный С.Н. Севастьяновым образ И.В. Подурова, «обобщенный образ идеального казака, представителя казачьего войска, который проявил бесстрашие, любовь к Отечеству, патриотизм, преданность Родине, стойкость духа», по мнению Т.М. Жапловой и А.Ж. Сайбуловой, оказывается несоответствующим реальным архивным материалам. Из них следует, что никакого особенного бесстрашия при взятии в плен И.В. Подуров не проявлял и ранения, судя по всему, не получал; в самом плену он демонстрировал конформизм и согласился исполнять роль письмоводителя у предводителя пленителей; наконец, он настолько хотел вырваться из плена, что призывал русские власти пойти на прямой обман «киргиз». К сожалению, в силу специфики той источниковой базы, на которую опирался С.Н. Севастьянов, сложно сказать, почему история пленения И.В. Подурова постфактум приобрела черты героической легенды: возможно, сам И.В. Подуров позже сильно приукрасил историю своего пленения, возможно, С.Н. Севастьянов несколько вольно интерпретировал имевшуюся у него информацию, а, возможно, интересная история о пребывании в плену атамана, позже участвовавшего в нескольких войнах, обросла живописными подробностями в исторической памяти оренбургских казаков без участия самого И.В. Подурова, но до ее фиксации С.Н. Севастьяновым.

Зачем «киргизы» захватывали И.В. Подурова?

Почти весь очерк «Иван Васильевич Подуров» построен по тому же принципу, что и образ заглавного героя: он не абсолютно ложен, но содержит столько искажений и неточностей, что их детальный разбор потребовал бы целого цикла статей. Поэтому сконцентрируемся на нескольких сюжетах, которые представляются нам показательными.

Похищение И.В. Подурова и С.А. Медведева крайне интересно необычной мотивацией «киргизов». То, что С.Н. Севастьянов называл «неслыханной еще дерзостью киргиз», не было случайностью. Н. Аргымбаев, пытавшийся выкупить пленников во второй половине июля 1823 г. и лично говоривший с И.В. Подуровым, столкнулся с тем, что деньги

«киргизам» не нужны: они требовали отдать за русских пленников «отца хищника Чуки, Киргизца Тюлембая, Который Содержан в Оренбурге» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 112об.). В итоге оба русских офицера были именно выменяны на плененных русскими «киргизов», без выкупа: за И.В. Подурова отдали Т. Кудукова (т. е. как раз Тюлембая – отца Чуки) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 153), а за С.А. Медведева – А. Бутанаева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 167-167об.). Таким образом, захватывая русских офицеров в ходе крайне рискованной операции за российскими укрепленными линиями, «киргизы» преследовали совершенно четкую цель: они хотели добиться освобождения отца одного из них.

Что касается покровительствовавшего им Жоламана Тленшиулы, то он сразу выдвинул еще одно неожиданное требование к русским властям. Как докладывал начальник Новоилецкой линии есаул Аржанухин, уже в конце июля 1823 г. Ж. Тленшиулы приказал прекратить все агрессивные действия против русских, рассчитывая «с Русским Правительством иметь переговоры на речке Хобде» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 96об.). Более того, при первой встрече с П.А. Плешковым Ж. Тленшиулы потребовал представить в обмен на И.В. Подурова не просто Т. Кудукова, но «Киргизца Тюленбая при бумаге Вашего Высокопревосходительства (П.К. Эссена – А.П.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 174об.). И.В. Подуров был необходим Ж. Тленшиулы для того, чтобы вступить в переговоры с русскими, не желаящими прямо отвечать на послания мятежного тархана (ханом он в документах нигде не назывался, вопреки заявлениям С.Н. Севастьянова).

Ж. Тленшиулы и его сторонники неоднократно посылали русским прошения, включая то, в связи с которым И.В. Подуров просил П.К. Эссена пойти на прямую ложь, сообщив «киргизам», «что оное прошение представится к Государю». Содержание этих прощений было однотипным и сводилось к тому, что Российская империя незаконно захватила земли кочевников. Так, «во время бытности в Меньшой Орде Хана Абдулхайра высшим правительством позволено было оной Орде пользоваться степями со стойбищами на здешней стороне реки Урала и рыбными ловлями в половину оною», но с 1810 г., «как Россией по реке Илеку сделано заселение и учреждены форпосты – то пользоваться теми степями и рыбными ловлями нам воспрещено» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 172-172об.). Аналогичная ситуация сложилась «на степях, называемых Рын-пески, около рек Узенья и Самары» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 172об.). Ж. Тленшиулы и его сторонники просили вернуть им их земли, обращая внимание на то, что подавали аналогичное ходатайство еще в 1822 г., но просто не получили на него ответа (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 172-173). Таким образом, русские власти не просто отобрали землю у «киргиз», но и не сообразовали даже объяснить, почему это было сделано. Более того, П.К. Эссен не торопился отвечать Ж. Тленшиулы, даже когда от этого зависело спасение И.В. Подурова: он подготовил ответ только 25 октября 1823 г., причем в нем не упоминал о прошениях, но только подтверждал, что Т. Кудуков отпущен по его приказу, и в ответ следует освободить И.В. Подурова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 205-206об.). Впрочем, даже этот ответ в итоге не был отправлен, поскольку И.В. Подурова освободили (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 234).

Таким образом, похищение И.В. Подурова было необычно в плане мотивации похитителей. Фактически его следует рассматривать в контексте начинающегося восстания Ж. Тленшиулы, который пытался использовать пленных русских офицеров, чтобы добиться ответов на свои прошения русским властям.

Рассмотрим теперь, как С.Н. Севастьянов интерпретировал данный сюжет. Мотивация «киргизов» к похищениям у него внятно не прописана, но при этом «киргизы» регулярно называются «разбойниками» (Севастьянов, 1999: 192-194). В результате у читателя складывается впечатление, будто, кроме грабежей и денег, пленителей И.В. Подурова ничего не интересовало. Этот эффект усиливает ложное утверждение о том, будто бы «Медведева продержали бы дольше, если бы отец его – инвалидный начальник – не имел собственного скота и не отдал на выкуп 300 баранов» (Севастьянов, 1999: 200). В действительности, однако, 300 баранов похитителям дали другие «киргизы», желавшие освободить своего родственника, находящегося у русских. Вот как это событие описывается в документах со слов дружественного России «киргиза» Т. Чудина: «Прапорщик Медведев от хищников Киргизцев Аккитинского отделения Киргизцем Бутанаем Куллен за триста баранов и непременно чрез него, Чудина, будет возвращен, если пограничное начальство обнадежит его, что по доставлении пленного в Комиссию отпущен будет за него

содержащийся под стражей за угон у султанов Юсупа Нургалиева и прочих лошадей сын Буртаная Киргизец Айчувак» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 152-1520б.). Таким образом, во-первых, русские офицеры интересовали «киргизов» не в плане выкупа, но в плане их обмена на задержанных русскими властями сородичей, а во-вторых, родственники С.А. Медведева за его освобождение ничего не платили, и вообще российской стороной он был не выкуплен, а разменян. Однако С.Н. Севастьянов ни словом не упоминает, что в обмен на С.А. Медведева был отпущен А. Бутанаев, а далее подает информацию так, будто и И.В. Подурова за выкуп отпустили бы быстрее, чем на размен: «Подуров же жил исключительно на офицерское жалование (в то время полковой есаул получал в войске по старому гусарскому окладу 430 р. асс. в год), имея жену, двухлетнего сына и сестру; родных больше не было и помощи ждать кроме высшего начальства не от кого» (Севастьянов, 1999: 200).

Оговорим, что мы не хотим идеализировать пленителей И.В. Подурова. Они действительно занимались работоторговлей, и денщик С.А. Медведева, С. Михайлов, был ими «запродан далеко» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 398). Однако для выкупа и перепродажи в рабство были захвачены только спутники русских офицеров, а сами они, подчеркнем еще раз, осознанно захватывались для размена.

Еще любопытнее ситуация обстоит с Ж. Тленшиулы. С.Н. Севастьянов упоминает его переписку с П.К. Эссеном, и даже характеризует одно из писем тархана так: «В письме этом Джуламан выступает энергичным борцом за интересы киргизского народа, среди которого он, как справедливый и бескорыстный судья, пользовался всеобщим уважением. До сих пор поются киргизами песни, сложенные в честь него, и передаются из рода в род предания про Джуламана-батыря...» (Севастьянов, 1999: 197). Однако, что именно было в письме, С.Н. Севастьянов не сообщает, а далее пишет о «требованиях Джуламана, конечно несовместимых даже с самой уступчивой политикой...» (Севастьянов, 1999: 197). В итоге остается совершенно неясным, за какие «интересы киргизского народа» боролся Ж. Тленшиулы, почему он так желал получить ответ П.К. Эссена, и почему его требования были невыполнимы.

Таким образом, нарратив С.Н. Севастьянова содержит как важные умолчания, так и прямую ложь (утверждение о том, будто бы 300 баранов за С.А. Медведева уплатил его отец). Те зафиксированные в документах детали, которые делали образы «киргизов», пленивших И.В. Подурова, симпатичнее, С.Н. Севастьяновым чаще всего просто опускались. В результате похитители И.В. Подурова из персонажей неоднозначных (разбойников, пытающихся освободить отца, и тархана, защищающего своих подданных от того, что русские власти отобрали часть их владений) в разбираемом нами нарративе превратились в предельно примитивных бандитов. При этом С.Н. Севастьянов пытался быть объективным и признал некоторые достоинства по крайней мере за Ж. Тленшиулы. Однако фактически это не привело ни к каким последствиям в построении текста: отказ русских властей от переговоров с Ж. Тленшиулы С.Н. Севастьяновым не разбирался, но подавался как единственно возможное решение.

Подлог документов

В подобной ситуации принципиально важно понимать, имеем мы дело с ошибочной интерпретацией исторических событий историками-любителями или с сознательной фальсификацией. И мы можем уверенно говорить о том, что очерк С.Н. Севастьянова представляет собой второй вариант.

Дело в том, что в нем приводится документ о выплате «киргизами» компенсации семейству убитого П.А. Плешкова. У С.Н. Севастьянова этот документ выглядит так: «Усматривая из представлений пограничной комиссии от 11 и 30 месяца июня, что казачий урядник Плешков, жертвовавший жизнью для спасения двух офицеров, убит братом известного мятежника Джуламана Исяламаном и другим и что задержанный родственник Джуламана Тайман Туленганов в этом не виновен, то предписываю его выпустить, но войдя в расстроенное положение семейства Плешкова, оставшегося без призрения и тех способов к своему содержанию, какое доставлял отец, лишившийся жизни от рук родственников Тюленбая, признаю, чтобы тому семейству было оказано какое-либо пособие, на сей конец объявить киргизцу Тюленбаю, что до того времени не получит свободы, пока не будет представлено в пользу семейства урядника Плешкова 1000 рублей (тысячи рублей),

по внесению коих будет немедленно отпущен в орду, что и исполнить, и деньги вручить по принадлежности в присутствии пограничной комиссии, донеся мне о последующем» (Севастьянов, 1999: 202).

Нам удалось обнаружить оригинал данного документа, и он выглядел несколько иначе (изъятая в нарративе С.Н. Севастьянова часть текста выделена курсивом): «Усматривая из представлений Пограничной Комиссии от 14 и 30 минувшего Июня, что казачий Урядник Плешков, жертвовавший жизнью для спасения двух офицеров, убит братом известного мятежника Юламана Исянаманом и другими, и что по делу сему задержан на Новоилецкой линии родственник Юламана Тайлян Тюлеганов, для освобождения которого родственники его выкупили в орде и представили на линию пленного нашего крестьянина Ерусланова, находя уважительным заключение Комиссии об освобождении Тюлеганова, как в убийстве Плешкова не участвовавшего; но, входя в расстроенное положение семейства его, оставшегося без призрения и тех способов к своему содержанию, какие уделял отец, лишившийся жизни от рук родственников Тайляна, признаю справедливым, дабы тому семейству было оказано какое-либо пособие. На сей конец объявить киргизцу Тайляну, что до того времени не получит свободы, пока не будет представлено в пользу семейства Урядника Плешкова одной тысячи рублей, по внесении коих немедленно будет отпущен в Орду, что и исполнит, а деньги вручить по принадлежности в присутствии Пограничной Комиссии, донеся мне о последующем» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 340-340об.).

Незначительные разночтения между версиями документа можно объяснить сравнительно невысоким уровнем археографической работы С.Н. Севастьянова. Однако этого нельзя сделать с целой фразой, негативно характеризующей русские власти, которая полностью исчезла в публикации С.Н. Севастьянова. Русские власти потребовали выкуп от Т. Тюлеганова дважды: его родственники уже представили на обмен русского пленника, но П.К. Эссен почему-то счел возможным возложить на них еще и обеспечение семьи П.А. Плешкова, при том что Т. Тюлеганов был признан невиновным в его убийстве. Соответственно, мы можем сделать однозначный вывод: очерк «Иван Васильевич Подуров» не просто недостоверен, но содержит намеренные манипуляции, выставляющие «киргизов» жестокими разбойниками-работорговцами, а русских – их жертвами, только защищающимися от чужой агрессии. Между тем в действительности русская сторона вела себе не менее агрессивно, чем степняки: она захватила часть «киргизских» земель, что подвигло Ж. Тленшиулы поддержать захват русских офицеров, и требовала выплат денег с невинных «киргизов» за чужие преступления.

При этом снова из-за источниковой специфики очерка «Иван Васильевич Подуров» мы не можем однозначно сказать, кто стоял за этими манипуляциями. Неясно, работал ли С.Н. Севастьянов с оригинальным документом или заимствовал его уже в искаженном виде из какого-то источника, например, рукописи Г.Ф. Генса. Но сам факт манипуляции не оставляет сомнений.

Мусульманская дева

В заключение нам кажется уместным чуть подробнее разобрать романтическую линию очерка «Иван Васильевич Подуров». В отличие от Н. Жетписбая, мы считаем, что сама по себе влюбленность мусульманской девушки в русского пленника, несмотря на сходство с известными литературными произведениями, была возможна. Доказательством этому служат известные «Воспоминания кавказского офицера» Ф.Ф. Торнау – нарратив, признанный историками достоверным, но включающий подробное описание влюбленности в автора, находящегося в плену у горцев, девушки Аслан-Коз, несколько раз помогавшей ему в неудачных побегах. Однако у Ф.Ф. Торнау образ Аслан-Коз предельно конкретен, реалистичен и содержит много связанных с контекстом деталей. Например, Аслан-Коз описывается как правоверная мусульманка, которая, будучи влюбленной в русского, мечтает о том, чтобы он принял ислам и остался жить с ней: «Она уговаривала меня пожалеть свою душу, отказаться от житейских благ, ожидающих меня на русской стороне, и удостоиться вечных радостей, посвятив себя Корану и бедной жизни в горах» (Торнау, 2008: 386). Тем не менее, умной и любопытной («неутолимое любопытство ее было исполнено наивности, но сквозь эту наивность всегда проглядывало много ума») девушке интересна жизнь в России, и некоторые особенности жизни христиан представляются ей предпочтительнее:

«Очень ей нравилось, что мы, христиане, имеем только одну жену, ей верим и ее не запираем» (Торнау, 2008: 384-386). Разумеется, она не предлагает Ф.Ф. Торнау бежать: напротив, сам пленник просит ее о помощи, а Аслан-Коз убеждает его принять ислам и остаться с ней («Опомнись, я предлагаю теперь все счастье, которое способно дать в этом мире, и вечное блаженство для будущей жизни»), но в итоге соглашается помочь («Иди, куда зовет сердце. Я тебя не выдам и даже готова помочь, если только могу») (Торнау, 2008: 388). После неудачного побега Аслан-Коз продолжает помогать пленнику, а когда мужчины-горцы в лицо начинают говорить о том, что она влюблена в него, девушка самостоятельно ставит их на место («Она выпрямилась во весь рост, краска покрыла ее прекрасное лицо, брови нахмурились. “Да! Вы отгадали, я желаю быть его женою, а из вас никого знать не хочу: русский все знает, все понимает, с ним есть о чем поговорить; а вы что? – совершенные невежи”. Они загородили было ей дорогу. Аслан-Коз сделала движение рукою и вышла. Абадзехи расступились, не вымолвив ни слова, так они были озадачены ее гордым видом» (Торнау, 2008: 409). Безусловно, Ф.Ф. Торнау мог несколько олитературить образ Аслан-Коз, а ее прямая речь, записанная через много лет после событий, наверняка искажена в каких-то деталях. Однако в целом его Аслан-Коз реалистична, и, главное, она представляет собой субъект, а не объект повествования, что придает ее образу особую глубину и благородство: она пытается помочь бежать русскому пленнику, хотя это против ее собственных интересов.

Напротив, дочь «хана Джуламана» из очерка С.Н. Севастьянова лишена не только имени и конкретных черт, но и любой субъектности. Вся ее функция в повествовании сводится к тому, чтобы любить русского офицера и «помогать» ему, но ни к каким реальным результатам эта помощь не приводит. Даже влюбляется в русского она исключительно потому, что он «выглядел молодцом» (Севастьянов, 1999: 199).

Особенно показательны в этом отношении сцены прощания. В нарративе Ф.Ф. Торнау сама Аслан-Коз приходит к нему перед очередной попыткой побега, русский офицер открывается ей в том, что снова попытается бежать, после чего «она со своею обыкновенною скромностью, пожав мне руку, пожелала удачи и счастья на русской стороне, которого не могу найти в горах» (Торнау, 2008: 416). Подобное поведение логично и укладывается в сложившийся образ Аслан-Коз, жертвующей своими желаниями ради счастья любимого. В то же время очень показательно скромное пожатие руки на прощанье. Ф.Ф. Торнау и прежде подчеркивал крайнюю целомудренность Аслан-Коз, ее готовность рисковать и помогать русскому пленнику, но при этом неприятие любых действий с эротическим подтекстом с его стороны до согласия на мусульманский брак: «Малейшее увлечение с моей стороны ее тотчас приводило в робость, и она меня отталкивала» (Торнау, 2008: 385). Напротив, С.Н. Севастьянов описывает прощание И.В. Подурова и дочери «хана Джуламана» так: «Незаметно прокрался Иван Васильевич к той, которая так часто облегчала его горе, ухаживала за его ранами. Ханская дочь еще не спала, она предчувствовала, что в эту ночь решится и ее судьба. Отъезд Подурова не был для нее неожиданностью, но ей тяжело было расставаться с любимым человеком. Иван Васильевич успокоил ее, как мог. Было уже за полночь. Оседланные кони стояли у кибитки Джуламана. Крепко поцеловал казак на прощанье молодую киргизку, и поспешил в свою кибитку. Наскоро переодевшись, он отправился к Джуламану» (Севастьянов, 1999: 203). Здесь вообще не ясны эмоции ханской дочери, то, чем «успокоил» ее И.В. Подуров, зато русский офицер выступает единственным субъектом в отношениях: он приходит к «киргизской» девушке, он успокаивает ее и целует.

В итоге при сходстве сюжетов, идейно нарративы о влюбленности мусульманской девушки в русского пленника у Ф.Ф. Торнау и С.Н. Севастьянова расходятся диаметрально. У Ф.Ф. Торнау очевидно романтическая история, многократно описанная писателями, выглядит реалистичной потому, что укоренена в контексте, содержит массу реалистических мелких деталей и психологических мотивировок. У С.Н. Севастьянова аналогичная история конкретики и психологизма предельно лишена и сводится к трансляции хорошо известных из романтической литературы образов. У Ф.Ф. Торнау образ Аслан-Коз не просто не сводится к колониальному нарративу, но и в чем-то разрушает его: подчеркнута мусульманская девушка оказывается чрезвычайно умна, благородна, способна на самостоятельные действия и на споры с мужчинами. У С.Н. Севастьянова образ дочери «хана Джуламана»

идеально вписывается в колониальный нарратив: ее мусульманство и вообще чуждость для русского офицера не подчеркивается, а вся роль в повествовании ограничена желанием помогать русскому, быть его добровольной и беспрекословной служанкой.

Даже в плане сексуализации разбираемые нами нарративы различаются фундаментально. Ф.Ф. Торнау прямо писал о том, что «не касается никаких обстоятельств, естественно порождающихся из ежедневной встречи нестарого мужчины с молодой, хорошенькою женщиной», поскольку не хотел «придавать нашим (с Аслан-Коз – А.П.) отношениям поэтическое значение», а видел в этих отношениях «чистое, безрасчетное участие, данное мне молодой черкесскою девушкой» (Торнау, 2008: 384). Таким образом, в его нарративе важна не влюбленность в него мусульманской девушки, а ее доброта (да и сама влюбленность, как видно из приведенных выше цитат, порождена взаимным сближением двух людей, ценящих друг в друге именно ум). В итоге в сексуальном плане Аслан-Коз остается абсолютно недоступной русскому офицеру. У С.Н. Севастьянова, напротив, о доброте мусульманской девушки не говорится, а ее участие к русскому офицеру порождается влюбленностью. Влюбленность же эта основывается на чисто физическом аспекте, на красоте русского офицера (характерно, что при этом о взаимности женатого русского речи не идет, а внешность дочери хана не описывается). Можно увидеть определенный смысл даже в том, что напоследок И.В. Подуров целует ханскую дочь, тем самым символически овладевая ей. Таким образом, у Ф.Ф. Торнау история влюбленности мусульманской девушки в русского пленника оказывается не только реалистичной, но и раскрывает саму эту девушку как героиню редкого ума и благородства, неожиданно духовно близкую русскому во многих аспектах, а ее безусловная внешняя красота, описанная достаточно подробно (Торнау, 2008: 384), способствует только дальнейшей идеализации образа. А у С.Н. Севастьянова аналогичная история не просто нереалистична, но и раскрывает исключительно русского офицера как воплощение мужества, даже в плену овладевшего дочерью захватившего его хана, личность и внешность которой оказываются совершенно неважны.

4. Заключение

Итак, в действительности очерк С.Н. Севастьянова «Иван Васильевич Подуров» интересен совершенно не в том аспекте, в котором его изучали исследователи, за определенным исключением Е.К. Созиной. Рассматривать этот очерк как документальное исследование нет оснований: фактически С.Н. Севастьянов фиксировал легенду о героическом казаке, попавшем в плен, на основании народных преданий, рассказов И.В. Чернова, родившегося через 2 года после событий, и рукописи негативно относящегося к «киргизам» современника, Г.Ф. Генса. В его нарративе приводятся оригинальные документы эпохи, однако неясно, взяты они из первоисточников или из рукописи Г.Ф. Генса. В любом случае мы выявили важное изъятие из одного документа, сделанное без оговорок, т. е. подлог источника.

В результате история, изначально достаточно неприятная для русских властей и лишённая героического аспекта, в рамках колониального дискурса преобразилась в героический эпос про жестоких «киргизов» и смелых казаков. Исходя из документов, «киргизы» предприняли крайне смелый рейд глубоко в российские владения и почти без сопротивления захватили двух русских офицеров, чтобы обменять их на отца одного из похитителей. И.В. Подуров в плену выполнял пожелания захватчиков, писал для них письма на русском, а документально зафиксированные его попытки освободиться сводились к предложению русским властям обмануть «киргизов». В итоге русские власти освободили двух пленников, но отказались рассматривать прошения предводителя похитителей, Ж. Тленшиулы, в которых он просил вернуть захваченные у него и у его подданных российским правительством земли. В нарративе С.Н. Севастьянова И.В. Подуров сопротивляется «киргизам» так умело и ловко, что его побеждают только хитростью, но даже раненым он так хорошо держится на лошади, что вызывает восхищение пленителей. В плену в красавца-русского влюбляется дочь «хана Джуламана», которая готова ради него на все, а на прощание женатый И.В. Подуров «крепко целует ее» (впрочем, о сюжете с письмами С.Н. Севастьянов все же кратко пишет). «Киргизы» предпочитают получать за пленников выкуп, и второй плененный офицер, С.А. Медведев, освобождается за 300 баранов, а не за

«киргизского пленника», и если И.В. Подурова и обменивают, то только по бедности и неспособности заплатить выкуп. Наконец, требования самого Ж. Тленшиулы не описываются, но указывается, что они «несовместимы даже с самой уступчивой политикой».

Мы касаемся здесь только аспектов, которые разбирали в данной статье. Между тем и многие другие сюжеты, описываемые С.Н. Севастьяновым, заслуживают аналогичного разбора. Так, урядник П.А. Плешков, описанный на основе народных преданий о некоем Петрове, подан подлинно эпическим героем, однако в документах об освобождении И.В. Подурова нам не удалось найти никаких случаев проявления им особенного героизма или выдающихся военных способностей. С учетом жалоб Ж. Тленшиулы заслуживает отдельного исследования и вопрос о том, как соотносятся утверждения С.Н. Севастьянова о снисходительности русских властей к «киргизам» в 1820 гг. с реальностью.

Однако и разобранного нами достаточно, чтобы разрешить проблемы, поставленные нами во вводной части статьи. Нарратив С.Н. Севастьянова не выдерживает даже самой благожелательной исторической критики, и даже приводимые в нем архивные документы следует использовать осторожно, поскольку в них встречаются важные умолчания и определенные искажения. С учетом авторитета С.Н. Севастьянова в Оренбургской ученой архивной комиссии и к изданиям данной организации следует относиться критически. В то же время С.Н. Севастьянов участвовал в создании научного «колониального дискурса» Российской империи, и здесь разобранный нами очерк оказывается уже важным источником. И из него видно, что как раз сюжет о захвате и пребывании И.В. Подурова в рабстве реконструировался С.Н. Севастьяновым с привлечением местных преданий и рассказов И.В. Чернова. Таким образом, историк-любитель фактически легитимизировал историческую память оренбургских казаков, их легенды о жестоких «киргизах» и героических русских пленниках в качестве исторической правды. И современным ученым следует провести обратную реконструкцию: использовать очерк «Иван Васильевич Подуров» как ценнейший источник исторической памяти оренбургских казаков рубежа XIX–XX вв., а не собственно описываемых в нем событий.

Литература

Жаплова, Сайбулова, 2020 – Жаплова Т.М., Сайбулова А.Ж. Особенности поэтики биографического очерка С.Н. Севастьянова «Падуров» // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020. № 7–8. С. 35–42.

Жетписбай, 2019 – Жетписбай Н. О некоторых моментах взаимоотношений казахов с русскими прилинейными жителями в XVIII – первой трети XIX вв. в Западном Казахстане // *Qazaqstan tarihy*. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/seo-materials/show/29540> (дата обращения: 21.08.2023).

Матвиевская и др., 2020 – Матвиевская Г.П., Прокофьева А.Г. и др. Оренбургская ученая архивная комиссия: ее «Труды» и авторы. Оренбург, 2020. 384 с.

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.

Попов, 1907 – Попов А. Рукописи Г.Ф. Генса // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 168–182.

Севастьянов, 1906 – Севастьянов С.Н. События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг. // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 95–148.

Севастьянов, 1907a – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Чернов // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 18. Оренбург, 1907. С. 3–14.

Севастьянов, 1907b – Севастьянов С.Н. Григорий Федорович Генс // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 158–167.

Севастьянов, 1999 – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк / *Гостинный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах*. Оренбург, 1999. С. 190–205.

Созина, 2011 – Созина Е.К. Степные пленники. Литературная универсалия и ее фактуальная контекстность в отечественной словесности первой трети XIX в. // *Кормановские чтения*. Ижевск, 2011. С. 39.

Созина, 2016 – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 1 (50). С. 6–15.

Торнау, 2008 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. 457 с.

Труды..., 1906 – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. [Указатель] // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. I-V.

References

Matvievskaia et al., 2020 – Matvievskaia, G.P., Prokof'eva, A.G. et al. (2020). Orenburgskaya uchenaya arkhivnaya komissiya: ee «Trudy» i avtory [Orenburg Scientific Archival Committee: its “Works” and authors]. Orenburg, 384 p. [in Russian]

OGAEO – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].

Popov, 1907 – Popov, A. (1907). Rukopisi G.F. Gensa [Manuscripts of G.F. Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vyp. 19. Orenburg, Pp. 174-175. [in Russian]

Sevast'yanov, 1906 – Sevast'yanov, S.N. (1906). Sobytiya v Orenburgskom krae, podgotovivshie ekspeditsiyu v Khivu 1839-1840 gg. [Events in the Orenburg Kraj that preceded the expedition to Khiva of 1839-1840]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Is. 16. Orenburg, pp. 95-148. [in Russian]

Sevast'yanov, 1907a – Sevast'yanov, S.N. (1907) Ivan Vasil'evich Chernov [Ivan Vasil'evich Chernov]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Is. 18. Orenburg, pp. 3-14. [in Russian]

Sevast'yanov, 1907b – Sevast'yanov, S.N. (1907). Grigorii Fedorovich Gens [Grigorii Fedorovich Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Is. 19. Orenburg, pp. 158-167. [in Russian]

Sevast'yanov, 1999 – Sevast'yanov, S.N. (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskiy ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical and biographical sketch]. *Gostinyi dvor: Literary-artistic and socio-political almanac*, Orenburg, pp. 190-205. [in Russian]

Sozina, 2011 – Sozina, E.K. (2011). Stepnye plenniki. Literaturnaya universal'ya i ee faktual'naya kontekstnost' v otechestvennoi slovesnosti pervoi treti XIX v. [Steppe captives. Literary universality and its factual contextuality in Russian literature of the first third of the 19th century]. *Kormanovskie chteniya*. Izhevsk. P. 39. [in Russian]

Sozina, 2016 – Sozina, E.K. (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [«Steppe captives» discourse in Russian literature of 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(50): 6-15. [in Russian]

Tornau, 2008 – Tornau, F.F. (2008). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer]. Moscow. 457 p. [in Russian]

Trudy..., 1906 – Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. [Ukazatel'] [The Works of the Orenburg Scientific Archival Committee. [Index]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1906. Is. 16. Orenburg. pp. I-V. [in Russian]

Zhaplova, Saibulova, 2020 – Zhaplova, T.M., Saibulova, A.Zh. (2020). Osobennosti poetiki biograficheskogo ocherka S.N. Sevast'yanova «Padurov» [Features of the poetics of S.N. Sevast'yanov's biographical essay «Padurov»]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 7-8: 35-42. [in Russian]

Zhetpisbai, 2019 – Zhetpisbai, N. (2019). O nekotorykh momentakh vzaimootnoshenii kazakhov s russkimi prilainymi zhitelyami v XVIII – pervoi treti XIX vv. v Zapadnom Kazakhstane [About some moments of the relationships of the Kazakhs with Russian near-linear dwellers in the 18th – first third of the 19th centuries in the Western Kazakhstan]. *Qazaqstan tarihy*. [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/ru/seo-materials/show/29540> [in Russian]

Документальное повествование о степном рабстве или колониальный нарратив: очерк «Иван Васильевич Подуров» С.Н. Севастьянова

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Аннотация. Статья посвящена очерку С.Н. Севастьянова «Иван Васильевич Подуров», описывающему плен казачьего офицера в Средней Азии. Этот очерк, переизданный в 1999 г., оценивается различными исследователями по-разному: от «чисто документального повествования» до нарратива с грубыми ошибками, демонизирующего «киргизов» (как в традиции Российской империи именовались казахи). Тем не менее, хотя в XXI в. к нему обращался целый ряд авторов (Н. Жетписбай, Т.М. Жаглова и А.Ж. Сайбулова, Е.К. Созина), ни один из них не произвел системного анализа данного текста. В статье предпринята попытка подобного анализа, важного для понимания, насколько вообще достоверны описания рабства в Средней Азии российских дореволюционных историков-любителей, особенно членов Оренбургской ученой архивной комиссии, в которой С.Н. Севастьянов состоял и пользовался авторитетом.

В статье показано, что С.Н. Севастьянов в своем тексте точно опирается на три категории источников, ни одну из которых нельзя считать надежной: на народные предания оренбургских казаков; на рассказы И.В. Чернова, родившегося через два года после описываемых событий, но якобы слышавшего о них от самого И.В. Подурова; на рукопись Г.Ф. Генса, современника событий, чиновника и востоковеда-любителя, крайне критично настроенного к «киргизам». Неизвестно, работал ли при этом С.Н. Севастьянов с оригиналами документов о пленении И.В. Подурова или приводил их по рукописи Г.Ф. Генса. Но в любом случае нам удалось обнаружить прямой подлог в приводимом в очерке документе, из которого убрана информация, негативно характеризующая русские власти. Таким образом, часть сведений, сообщаемых в очерке, опирается на ненадежные источники, а надежные источники искажались или автором очерка или теми, на чьи описания событий он опирался.

При сопоставлении же нарратива С.Н. Севастьянова с архивными документами видно, что: 1) образ И.В. Подурова крайне героизирован, например, в первоисточниках не упоминается его героическое сопротивление пленителям и тяжелое ранение; 2) «киргизы», напротив, демонизированы, убрана информация, выставляющая их с неоднозначной стороны (например то, что они захватывали русских офицеров не для выкупа, но для освобождения отца одного из пленителей); 3) ничем не подтверждается история, сообщаемая И.В. Черновым, о том, что в И.В. Подурова влюбилась дочь «киргизского» хана, а образ этой мусульманской девы лишен как конкретных черт (даже имени), так и какой-либо субъектности. Все это позволяет уверенно говорить о том, что очерк "Иван Васильевич Подуров" не документально описывает события 1820 г., но транслирует их образ, сложившийся в среде оренбургских казаков к концу XIX в., что делает его ценным источником по исторической памяти оренбургского казачества.

Ключевые слова: рабство, Средняя Азия, колониальный дискурс, историография, источниковедение, И.В. Подуров, С.Н. Севастьянов.